

Кобецкий Иосиф Яковлевич

Русский Рокамболь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иосиф Яковлевич К.**
Русский Рокамболь / Кобецкий Иосиф Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
242 с.

ISBN 978-5-519-89497-5

ISBN 978-5-519-89497-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В одном из правительственных секретных архивов сохранилось объемистое дело о коллежском ассесоре Иване Федорове Мануйлове. На обложке дела надпись: „Совершенно секретно. Выдаче в другие делопроизводства не подлежит“. С 1895 по 1917 год заботливой рукой подшивались сюда всяческие документы и бумаги, касавшиеся коллежского ассесора. В своей совокупности бумаги эти развертывают целое полотно жизни Ивана Федоровича: жизнь же его — подлинный роман приключений, в роде повести о Лазарилло из Тормез и других, подобных ей, воровских повестей, рассказывающих о похождениях и приключениях знаменитых мошенников, авантюристов и т. д. Мы не сомневаемся в том, что документальная биография Ивана Федоровича даст хороший материал для художественного вымысла беллетристу будущего. Для нас, живущих, жизнь Мануйлова — необходимый и неустрашимый

эпизод истории падения режима. Чтобы понять, почему пал режим и почему пал именно так, а не иначе, историк, на-ряду с фигурами крупными, патетическими и драматическими, фигурами с громкими именами — должен заняться и мелкой, юркой, специфически характерной фигурой коллежского ассесора. Похождения его интересны по тем нитям и связям, которые тянутся от мелкого агента к самым громким деятелям отжитой эпохи, и по необычайно пестрой и любопытной фабуле. Все эти документы о нем — письма, протоколы, справки — читаются с неослабевающим интересом, и читатель, конечно, не посетует на нас за обилие выписок. Надо добавить, что секретное дело, которым мы пользуемся, было секретным и для следственной и судебной властей, разбиравших дело Мануйлова 1917 году. Лишь незначительная часть документов была сообщена следователю, а остальное представлялось слишком зазорным для оглашения хотя бы среди следователей и прокуроров.

I

Первое появление Ронамболя. П. И. Рачковский и И. Ф. Мануйлов.

Происхождение Ивана Федоровича и начало его жизненной карьеры теряется во мраке неизвестности. Из формулярного списка видно,

что в 1910 году он имел 40 лет, был лютеранского вероисповедания, окончил курс в реальном училище Гуревича и состоял на службе по императорскому человеколюбивому обществу. В сохранившемся в делах памфлете, явно департаментского или охранного пера, история жизненных успехов Мануйлова рассказана с пикантными подробностями: „еврейского происхождения, сын купца, Мануйлов, еще учеником училища, обратил на себя внимание известных в Петербурге педерастов Мосолова и редактора газеты „Гражданин“ князя Мещерского, взявших под свое покровительство красивого, полного мальчика. Юношу Мануйлова осыпали деньгами, подарками, возили по шантанам и другим вертепам, и под влиянием покровителей у него развилась пагубная страсть к роскоши, швырянию деньгами, картам, кутежам и т. п. Приняв православие, он, при содействии князя Мещерского и Мосолова, поступает на государственную службу. Рамки человеколюбивого общества оказались тесны для Ивана Федоровича, и он пустился в открытое море.

Первое выступление юного Рокамболя произошло в 1895 году. На горизонте политического розыска блистал в то время звездой первой величины П. И. Рачковский, стоявший во главе заграничной агентуры русского правительства. С этим старым волком и задумал потягаться безвестный в мире агентуры юноша.

Он, конечно, не провел старого, заслуженного агента и мошенника, но П. И. Рачковский, несмотря на обиды и огорчения, причиненные ему первым дебютом, не мог не заметить „способностей“ юноши и стал выше личности в этом столкновении, обратил внимание начальства на юношу и дал ему дорогу. Об этом столкновении, которому место на страницах какого-нибудь Понсон-дю-Терайля, сохранилась колоритная записка, принадлежащая перу известного деятеля департамента полиции Л. А. Ратаева. 3 мая 1895 года Ратаев представил следующее донесение своему начальству — директору департамента полиции:

„Во время моего пребывания в Париже мне случилось познакомиться, через посредство П. И. Рачковского, с неким Иваном Федоровичем Мануйловым, прибывшим во Францию в качестве сотрудника или секретаря газеты „Новости“, будто бы для ознакомления с настроением французского общества по поводу предстоящего участия Франции в Кильских празднествах и совместного с Германией действия против ратификации японско-китайского мирного договора. В качестве русского журналиста, Мануйлов пользуется протекцией известного вашему превосходительству Ганзена ¹⁾ и, благодаря ему, знаком с многими

¹⁾ Ганзен — советник французского министерства иностранных дел.

влиятельными французскими журналистами каковы: Judet, Lubien, Millevoye и др.

„Между тем, Мануйлов, в последнюю свою поездку в Париж, познакомился в кафе-шантане Casino с одним из агентов парижской префектуры, специально занимающимся русскими делами, и за стаканом вина объяснил ему, что он, Мануйлов, состоит при министерстве внутренних дел и командирован за границу для контроля деятельности парижской агентуры, которую, будто бы, в Петербурге недовольны, и в заключение предложил агенту, за вознаграждение, содействовать ему в исполнении возложенного на него поручения. Для доказательства же, что он действительно лицо официальное, Мануйлов рассказал агенту, что в прошлом году прямой начальник г. Рачковского, полковник Секеринский ¹⁾ был в Париже, где останавливался 133, boulevard Magenta, но г. Рачковский оставался об этом в полном неведении и узнал лишь четыре дня спустя после отъезда полковника из Парижа. Два года тому назад полковник Секеринский поручил Рачковскому купить какую-то революционную брошюру, которую тот до сего времени не был в состоянии добыть; между тем Мануйлов нынче, проездом через Берлин, разыскал эту брошюру и купил ее за триста марок. Далее, говоря о Рач-

¹⁾ Полковник Секеринский — начальник с.-петербургского охранного отделения.

ковском, Мануйлов заявил, что он его хорошо знает. Рачковский, по его словам, еврейского происхождения, был когда-то маленьким писцом в судебной палате, затем перешел в полицию, где и составил себе положение, которое сохраняет лишь благодаря протекции барона Моренгейма ¹⁾; если же последний уйдет, а в сособенности, если его заменит г. Нелидов, то Рачковскому придется подать в отставку. В прежние годы Рачковский ходил будто без сапог и жил мелким репортерством в „Новостях“. Помощником Рачковского состоит в настоящее время поляк Милевский—человек, не заслуживающий никакого доверия и, к тому же, картежник.

„На предложение сотрудничества агент отказался; тогда Мануйлов предложил ему подыскать для своих целей верного человека, обещая дать за это 200 фр., добавив, что вообще он за деньгами не стоит. Вслед затем Мануйлов подробно допрашивал агента об организации агентуры в Париже, о количестве агентов, о местах собраний русских революционеров, помещении их библиотек, где можно приобрести разные революционные брошюры, и т. п.

„Узнав о происках Мануйлова, чиновник особых поручений Рачковский счел за лучшее

¹⁾ В то время наш посол во Франции.

пригласить Мануйлова к себе и, сообщив ему все вышеизложенные сведения, предложил ему дать прямой ответ: насколько они справедливы? Мануйлов был очень сконфужен, сознался во всем (разумеется, кроме сскорбительных отзывов о личности Рачковского и его прошлом), расплакался и объяснил следующее:

„Лет семь тому назад у правителя канцелярии генерал-адъютанта Черевина, камергера Федосеева, он познакомился с полковником Секеринским, с которым вошел в сношения и оказывал разные услуги, за которые получал единовременные вознаграждения. Так, например, все последние сведения о литературных кружках исходили, будто бы, от него. Полковник Секеринский, будто бы, неоднократно высказывал Мануйлову, что его чрезвычайно интересуется организация агентуры за границей, вследствие чего Мануйлов, пользуясь своим пребыванием в Париже, хотел ознакомиться с устройством, для сообщения добытых сведений полковнику и для получения от него вознаграждения. При этом он клялся и заверял честным словом, что действовал на свой страх, не имея полномочия, ни даже какого-либо словесного поручения от начальника с.-петербургского охранного отделения. В заключение Мануйлов заявил, что он очень любит агентурное дело, интере-

суется им и был бы счастлив служить своими связями в литературном мире, где он пользуется, будто бы, известным положением. Петр Иванович сказал ему, что его желание будет принято к сведению и чтобы он, по приезде в Петербург, явился ко мне в департамент, где я его познакомлю с г. вице-директором и Георгием Константиновичем ¹⁾). При этом Петр Иванович выразил мне, что Мануйлов человек несомненно способный и что при опытном руководстве из него может выработаться полезный агент.

„Докладывая об изложенном вашему превосходительству и считая в данном случае мнение П. И. Рачковского неизмеримо компетентнее моего, я тем не менее обязуюсь добавить, что Мануйлов на мой взгляд представляется лицом, заслуживающим лишь весьма относительного доверия.

„О названном Мануйлове в делах департамента сведений не оказалось“.

Ивану Федоровичу был дан ход. Предпринятое им, по собственной его инициативе, выступление против метра политической полиции обратило внимание начальства. Юноша оказался цепким, и отеческие увещания П. И. Рачковского только раздражили его сыскные вожделения. Совсем, как малютка Рокамболь

¹⁾ Г. К. Семякин заведывал политическим розыском в департаменте полиции.

и старец Тортильяр! Не прошло и полгода, как Мануйлов вновь заставил вспомнить о себе. 1/13 октября 1894 г. (№ 83, из Парижа) сам Рачковский представил следующий собственноручный доклад директору департамента полиции.

„Преодолевая в себе естественное чувство брезгливости, я вынужден представить на благоусмотрение вашего превосходительства три документа, доставленные мне из парижской префектуры за то время, когда я употреблял все мои наличные силы, чтобы бороться с нашим революционным движением, поскольку оно выражается за-границей.

„В пояснение к представляемым документам осмеливаюсь присовокупить ниже следующее:

„В апреле месяце текущего года, приезжал в Париж некий Мануйлов, секретарь газеты „Новости“, который вступил в знакомство со мною и с известным вашему превосходительству советником посольства французского министерства иностранных дел г. Гансеном.

„Затем, несколько дней спустя после его приезда, из парижской префектуры мне была сообщена копия с донесения одного из префектурных агентов, который познакомился с Мануйловым при обстоятельствах, изложенных в означенном донесении.

„Из содержания этого документа ваше превосходительство изволите усмотреть, что агент петербургского охранного отделения Мануйлов, выдавая себя за чиновника министерства внутренних дел, действующего по инструкциям полковника Секеринского, имел целью собрать в Париже сведения о моей личной жизни, денежных средствах, отпускаемых мне на ведение дела за границей, о личном составе агентуры и об отношениях, существующих у меня не только с префектурой, но и с императорским посольством в Париже.

„Не желая беспокоить ваше превосходительство по поводу необычайной выходки полковника Секеринского, который вдохновил своего агента Мануйлова на бессмысленную поездку в Париж, я ограничился тем, что пригласил к себе упомянутого агента и, потребовавши от него отчета в его предосудительном поведении, предложил ему немедленно же оставить Париж, откуда он, действительно, и поспешил уехать.

„Считая означенный странный эпизод совершенно оконченным, я полагал, что для полковника Секеринского достаточно будет данного мною урока.

„Между тем, на-днях из парижской префектуры мне были доставлены два представляемых при сем в точной копии письма, писанные тем же Мануйловым, из которых усматривается, что